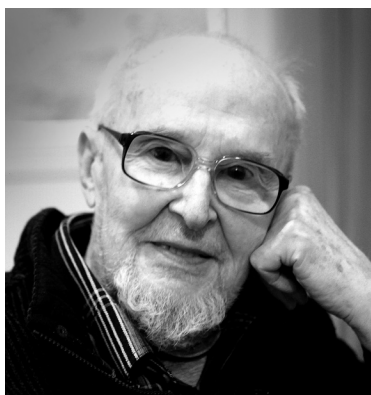

ЧЕХОВ И ИНДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА*

Чельшев Евгений Петрович
Академик РАН, востоковед
д.ф.н., профессор
общественный деятель
Москва, Россия

Рассказать о Чехове и индийской культуре значит ответить на вопросы: как и когда пришел Чехов в Индию? Как он там переводился, популяризировался, изучался? Кто является основоположником индийского чеховедения? Каковы заслуги индийских чеховедов сегодня? Как повлиял и влияет сегодня Чехов на индийскую драматургию и театр? Чем близок и дорог Чехов индийцам? Как видно, вопросов много, и большинство из них еще только поставлены. Проблема эта многогранна, ставится она у нас впервые и требует комплексного исследования с участием советских и индийских специалистов. Отдельные ее аспекты освещались в работах А. П. Баранникова, В. И. Балина, Н. М. Вишневской, Н. В. Глебова, В. А. Новиковой, А. С. Сухочева и некоторых других индологов.

Первые упоминания о Чехове в Индии можно встретить еще в 20-е годы и даже раньше. Известный литератор хинди Раджендра Ядав свидетельствует о том, что индийцы познакомились с Чеховым после того, как в 1903 г. в Англии вышел в свет сборник его рассказов «Черный монах» («The Black Monk»). Английские литераторы, по его словам, представляли Чехова как пессимиста, изображавшего жизнь неудачников¹.

---

¹ Раджендра Ядав. Три пьесы Чехова. Перевод на язык хинди йес «Чайка», «Вишневый сад», «Три сестры». Бенарес, 1958, с. 9 (на яз. хинди).

* Данная статья была опубликована в монографии «Сопричастность красоте и духу. Взаимодействие культур Востока и Запада». Москва, Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы. 1991

Знакомство индийских литераторов с творчеством Чехова было в то время случайным и эпизодическим, а оценки его, как правило, поверхностными и противоречивыми, иногда и тенденциозными. Например, отмечая популярность рассказов Чехова, «получивших большое признание в Европе», Премчанд в то время говорил о том, что «кроме изображения той части русского общества, которая ведет праздный образ жизни, в них нет ничего особенного»². Близкий Премчанду индийский литератор Ришибхачаран Джайн в своих воспоминаниях о великом индийском писателе пишет: «Я часто говорил Премчанду, что нам не нужны писатели-проповедники и наставники. Литература должна отражать жизнь во всей ее сложности и противоречивости. Я утверждал, что главная ее задача утолять духовный голод, что вряд ли в состоянии сделать писатели-моралисты, поэтому для меня особенно дорого и интересно творчество таких писателей, как Мопассан, Чехов, Вашингтон Ирвинг, Рабиндранат Тагор. Не соглашаясь со мной, Премчанд утверждал, что в настоящее время для индийского писателя рассказы Премчанда более нужны и важны, чем рассказы Мопассана и Чехова»³. Впоследствии отношение Премчанда к Чехову изменилось. Говоря о долге художника слова, Премчанд среди не ликих русских писателей, сыгравших, по его словам, большую роль в пробуждении революционного сознания народных масс России, назвал и имя Чехова.

В середине 30-х годов, когда в Индии зарождалось и развивалось движение прогрессивных писателей, Фаиз Ахмад Фаиз сказал: «Это была, пожалуй, пора наиболее тесного сближения нашей литературы с западной. В области художественной прозы таким связующим звеном были произведения великих русских реалистов XIX в.»⁴. Обращенная к простому человеку, отличающаяся большой социальной активностью, глубокой народностью, русская классика, как никакая другая зарубежная литература, отвечает потребностям общественного и литературного развития Индии. В произведениях русских писателей индийские литераторы находят ответы на многие волновавшие их вопросы.

В эти годы индийские литераторы обращаются к Чехову, стремясь найти в его творчестве источник вдохновения и поддержку в своих поисках новых путей развития литературы, изображающей суровую правду жизни. На этот факт впервые обратил внимание А. П. Баранников. Рецензируя журнал «Урду», выходивший в то время в Индии, советский ученый обращает внимание на печатавшиеся в нем статьи Мухаммада Муджиба о Чехове, в которых, рассказывая о русском писателе, индийский литератор, в частности, отмечал: «В области короткого рассказа Чехов не имеет себе равных в мировой литературе. Из библиографических указаний и случайных упоминаний нам известно, что аналогичные работы появлялись и появляются на других индийских языках»⁵.

2 Премчанд. Искусство рассказа.— Цель литературы. Аллахабад, 1954, с. 37 (на яз. хинди).

3 Ришибхачаран Джайн. Памяти Премчанда. Аллахабад, 1962, с. 42 (на яз. хинди).

4 Фаиз Ахмад Фаиз. Многообразие и жизненная сила.— Иностранная литература. 1964, № 4, с. 239.

5 Баранников А. П. Индийская филология. Литературоведение. М., 1969, с. 132.

О широкой известности и популярности творчества Чехова в Индии 30-х годов свидетельствовал старейший индийский литератор, неутомимый популяризатор в Индии литературы нашей страны Банарасидас Чатурведи, которого мы вправе считать одним из зачинателей индийского чеховедения. «Однажды в разговоре с Премчандом я спросил, кого он считает самым выдающимся новеллистом в мировой литературе. Не задумываясь он назвал имя Чехова. Я был рад тому, что мнение Премчанда о Чехове совпадает с моим собственным отношением к этому писателю. Много лет я являюсь поклонником таланта Чехова. Переводы на язык хинди многих его рассказов публиковались на страницах редактируемого мною журнала «Вишаль-Бхарат»⁶.

Интересно рассказывает о своем знакомстве с Чеховым один из активных участников и организаторов движения прогрессивных писателей Индии, выдающийся литератор урду Кришан Чандар. В статье «Чехов-новеллист» он писал: «Мое знакомство с Чеховым состоялось в середине 30-х годов при следующих обстоятельствах. Я прочел снискавшую у нас широкую известность книгу Манматханатха Гупты «Премчанд-новеллист». Анализируя рассказ Премчанда «Саван», автор обнаруживает в нем черты, близкие творчеству Горького и Чехова. В то время я был знаком с двумя русскими писателями — Л. Толстым и Горьким, прочел некоторые их романы и рассказы, имя же Чехова я тогда услышал впервые. В библиотеке нашего колледжа мне удалось обнаружить несколько его произведений, которые я залпом прочел. С тех пор я постоянно обращаюсь к Чехову, стараюсь прочитать все, что о нем пишут. Многие известные литераторы мира единодушны в своих суждениях о Чехове как о самом выдающемся новеллисте. Известно, как высоко ценил Чехова Премчанд. Нет никаких сомнений, что по красоте языка, изяществу стиля, яркости и жизненности образов, эмоциональной насыщенности, словом, по всему тому, что составляет искусство рассказа, Чехов является непревзойденным мастером. Поэтому его рассказы повсюду пользуются огромной популярностью. Нет никакого более или менее известного языка, на который не были бы переведены его произведения»⁷.

Кришан Чандар ссылается в своей статье на Манматханатха Гупту, открывшего для него Чехова и обратившего внимание на близость рассказа Премчанда «Саван» с творчеством русского писателя. Хотя индийский литератор и не приводит в обоснование своего сопоставления достаточно развернутой и убедительной аргументации, тем не менее его замечание нам представляется весьма интересным.

В рассказе «Саван» («Кафан») Премчанда, написанном в 1935 г., изображаются люди, потерявшие человеческий облик. Жалкая деревенская хижина. Ночь. В мучениях во время родов умирает молодая женщина Будхия. Ее муж Мадхо и свекор Гхису спокойно ужинают, с тупым равнодушием ожидая, когда же, наконец, она умрет и перестанет досаждать им своими стонами. А ведь только год назад состоялась свадьба

---

6 Чатурведи Б.Д. Мелихово — священная обитель Чехова.— Саптахи́к Хиндустан. Дели, 13.09.1959, с. 9—10 (на яз. хинди).

7 Кришан Чандар. Чехов-новеллист.— Вишаль-Бхарат. Калькутта, 1960, март, с. 161 (на яз. хинди).

в их доме и «появилось что-то похожее на благополучие и порядок». Убедившись, что Будхия умерла, Мадхо и Гхису начинают громко причитать для того, чтобы привлечь внимание соседей, разжалобить и выпросить у них денег на похороны. Собрав таким образом несколько рупий, они отправляются на рынок для того, чтобы купить саван, без которого невозможно совершить погребальный обряд, но вместо этого, попадают в трактир, где пропивают собранные у односельчан деньги. Условия нищенского существования, бесправия, беспросветной, скотской жизни превращают человека в животное. Написал ли Премчанд этот рассказ под влиянием Чехова и Горького, или без чьего-либо влияния сама индийская действительность продиктовала его ему? Ответить на этот вопрос довольно трудно. В то же время «весь ход повествования органически приводит к раскрытию общего порядка, строя жизни. Описание эпизода становится объемным художественным обобщением... Писатель стремится ни в чем не смягчать, не преуменьшать суровой правды действительности»⁸. Думается, что этот вывод, который делает М. Б. Храпченко из анализа таких рассказов Чехова, как «Неприятность», «Припадок», «Случай из практики», можно применить и к этому рассказу Премчанда.

Многие индийские литераторы говорят о влиянии Чехова на Премчанда. Например, его сын известный литератор хинди Амритрай считает, что с годами проза Премчанда «становилась все проще и чище и под влиянием собственного жизненного опыта художника, и под влиянием европейского рассказа... Чувствуется, как четче становится реалистическая тенденция, как кристаллизуется его рассказ... Этой дисциплинированности нового жанра Премчанд научился не только на своем личном опыте, но и под влиянием таких мастеров рассказа, как Толстой, Чехов и Горький. Пожалуй, больше всего Толстой»⁹.

А. П. Баранников также обращает внимание на идейно-художественное сходство между творчеством Премчанда и Чехова. В статье, написанной в 1931 г., еще при жизни Премчанда, явившейся первой публикацией об этом писателе в нашей стране, он пишет: «Подобно Чехову, значительная часть рассказов которого переведена на ряд современных индийских языков, Премчанд изображает ничем не выдающихся, средних людей в простой, повседневной, прозаической обстановке, и тем отчетливее выступают язвы, разъедающие современную Индию, особенно индийскую деревню... В деревне Премчанда мы не найдем красот: грязная и зловонная, она населена оборванными, голодными и забитыми крестьянами, которые низведены почти до положения скота»¹⁰.

Нужно сказать, что в то же время не все высказывания того или иного индийского писателя о Чехове могут быть приняты без оговорок, так как они бывают подчас весьма противоречивыми и зависят от разных обстоятельств: от идеологической или

8 Храпченко М. Б. Художественное творчество, действительность, человек. М, 1978, с. 152—155.

9 Амритрай. Новое в «новом». — Иностранная литература. 1965, № КО, с. 210.

10 Баранников А. П. «Саптасародж» Премчанда. Индийская филология. Литературоведение. — ИВЛ. М., 1959, с. 9—10.

эстетической близости индийских писателей к чеховскому наследию, от того, отвечает ли творчество Чехова их собственным творческим задачам и замыслам, подготовлены ли индийские литераторы к восприятию подлинного Чехова, и, наконец, от степени их проникновения в художественный мир Чехова.

Например, некоторые реалистические рассказы Тагора 90-х годов могут показаться близкими по своей общей тональности рассказам Чехова, и может возникнуть искушение обнаружить следы влияния русского писателя на творчество великого бенгальца, тем более известно, что Тагор с большим интересом относился к русской литературе, собирая ее в библиотеке университета в Шантиникетоне. Однако, по свидетельству исследователей творчества Тагора, индийский писатель в то время не был знаком с Чеховым, а близость его рассказов и рассказов Чехова объясняется в данном случае не контактными связями, а связями по исторически обусловленному сходству литературных процессов в России и Индии. Индийский тагоровед Упендронатх Бхотточарджо пишет: «В то время, когда Тагор начал писать свои рассказы (90-е годы XIX в. — Е. Ч.), необычайную славу и широкую известность приобрели рассказы Чехова и Мопассана. Однако они не оказали никакого влияния на Тагора, к тому же бенгальские читатели в то время не проявляли интереса к западной новеллистике»¹¹. Развивая эту мысль в своей интересной книге о Тагоре, Кришна Крипалани отмечает: «Чехов и Мопассан в то время еще не были известны Тагору. Только эти два зарубежных писателя могут быть сопоставлены с ним в жанре новеллистики, но он отличается от них и в технике, и общей тональности творчества, так же как оба они отличаются друг от друга»¹². Индийский социолог и тагоровед Д. П. Мукхерджи определяет это различие таким образом: «Русский классик отличается искренностью души, французский — остротой разума, а Тагор — искренностью чувства»¹³.

К сожалению, нам пока не удалось найти прямых свидетельств отношения Тагора к творчеству Чехова. Однако есть все основания полагать, что он со временем сумел с ним познакомиться и высоко его оценивал, о чем говорит, например, следующая выдержка из письма Тагора известному бенгальскому прозаику Промоту Чоудхри: «Читая твои рассказы, я все время вспоминал рассказы Чехова. Так же, как и он, с необыкновенной легкостью ты излагаешь все то, что приходит тебе в голову»¹⁴.

Путь Чехова в Индию был непростым. Индийским литераторам приходилось затрачивать много сил и труда, преодолевать многие языковые барьеры для того, чтобы донести до своих соотечественников живое чеховское слово. «Некоторые произведения Чехова попали к нам на пенджабский язык через урду, на который их перевели с английского. Английский же перевод был, в свою очередь, сделан с французского, — пишет индийский литератор Балвант Гарги. — Шесть раз переселяется душа Чехова из сферы

---

11 Упендронатх Бхотточарджо. Рассказы и романы Тагора. Калькутта, 1965, с. 3 (на яз. бенгали).

12 *Kripalani Krishna*. Rabindranath Tagore. A Biography. L., 1962. с. 153.

13 *Mukherji D.P.* Tagore. A study. Bombay, 1943.

14 Тагор Р. Письма 1945 г. — Собрание сочинений. Т. 5, с. 309 (на бенг. яз.).

одного языка в другой, прежде чем она достигла нас. Сколько же, наверное, было при этом утрачено из подлинника!»¹⁵.

Широко распространенной практикой освоения в Индии зарубежной литературы является ее переделка, приспособление к местным условиям. Практика различного рода интерпретаций, переделок, подражаний и т. д. возникла не случайно, это закономерный процесс в развитии индийских художественных традиций. Первые шаги освоения творчества Чехова в Индии также представляли собой подобного рода интерпретации его произведений, их творческие переводы или переклички с Чеховым. Вспомним хотя бы созданный по мотивам чеховского «Хамелеона» рассказ пенджабского писателя Чарана Сингха Шахида «Тханедар» (низший полицейский чин) или, например, перевод известного литератора из Андхры Шри Шри и Аббури Вирада Раджешвари Рао в 1948 г. пьесы «Вишневый сад». Здесь хозяйка вишневого сада Раневская превращается в индианку Джаяшри, обладательницу чампакекого сада, ее дочь Аня — в Аруну, приемная дочь Варя — в Таруну, ее брат Гаев — в Варинти и т. д. Героиня приезжает в свое имение не из Парижа, а из Дели, вместо шампанского герои пьесы пьют кокосовый сок и т. д. В текст пьесы включаются дополнительные монологи и диалоги, усиливающие социальную заостренность, обличительный пафос произведения, приобретающего особую актуальность для индийцев. Вместе с тем характеры пьесы, тонкость психологического рисунка, свойственная Чехову, грустная и светлая тональность бережно сохраняется. Перенеся место действия в Индии, переводчики устами Чехова обличают ложь, несправедливость, пошлость в своей стране, приобщая индийских читателей и зрителей к юмору, состраданию и гневу Чехова, к его великой мечте о человеческом счастье.

Особенно привлекательной для индийской аудитории, мне представляется, является свойственная чеховской драматургии тема, возникающая и в его прозе: утрата внутренних связей между людьми. Думается, что индийских зрителей волнует в чеховской драматургии также связанная с глубоким психологизмом ее особая музыкальность, лирическая атмосфера, в которой живут и действуют герои Чехова, что перекликается с индийскими культурными традициями.

Многие индийские театральные коллективы осуществляют постановку чеховских пьес, стремясь довести до индийских зрителей их психологическую глубину. Можно с уверенностью сказать, что нет такой пьесы Чехова, которая не была бы поставлена на сцене индийского театра. Автору этих строк в разное время доводилось смотреть в Индии пьесы Чехова. Так, в 1967 г. я смотрел в Дели «Чайку» в постановке полупрофессионального индийского театра «Ятрик». Постановщица пьесы говорила: «Мы несем ответственность за то, чтобы зритель узнал своего Чехова. Трудно было сохранить национальный русский колорит «Чайки». Мы добивались того, чтобы чеховская пьеса, сыгранная на английском языке индийскими актерами, донесла до зрителей не абстрактные эмоции персонажей, а драму русской девушки в определенный

15 Балвант Гарги. Индийский писатель.— Литературная газета. 27.01.1955.

период русской истории»¹⁶. В то же время не всегда индийские режиссеры добиваются полноценной передачи неповторимой прелести чеховских пьес, перенося их место действия в Индию. Рассказывая о неудачной постановке пьесы по мотивам чеховских «Трех сестер» на языке хинди режиссером Индерлалом Дасом в 1948 г., Балвант Гарги, в частности, отмечает: «Европейские пьесы, исполняемые в индийских национальных костюмах, обычно не производят впечатления на публику. В них нет ни четкости и отрывистости европейской речи, ни специфической атмосферы и колорита восточной драмы. Ольга и Ирина с их мечтательностью и грустью по своему душевному складу типичные русские женщины, и то, что режиссер облачил их в сари, не придало им индийских национальных черт»¹⁷. Как правило, не добиваются успеха те режиссеры, которые пытаются увидеть в Чехове только сатирика или, наоборот, стремятся к подчеркиванию в его пьесах лирических или трагических элементов. Лишь целостная, многосторонняя интерпретация его пьес может способствовать их успешному сценическому воплощению.

Важно отметить, что освоение и осмысление Чехова в Индии шло постепенно, шаг за шагом индийские литераторы все глубже и глубже проникали в мир Чехова, открывая в нем для себя все новые и новые художественные ценности. Индийцы воспринимают Чехова так, как это соответствует потребностям их собственного искусства. Интересно проследить, как меняются взгляды и оценки индийских литературоведов, пишущих о Чехове. Чехов в Индии 20—30-х годов — это главным образом обличитель социальной несправедливости, привлекающий внимание общественности к бедственному положению маленького человека. Чехов 40-х годов — это писатель, пробуждающий острое чувство неудовлетворенности окружающим, утверждающий способность человека вырваться из ненавистного мира, пробудиться от спячки к лучшей жизни. Чехов в независимой Индии — это классик мировой литературы, тонкий психолог, великий реалист и т. д.

Распространению правильного научного взгляда на Чехова в Индии способствовали прежде всего работы индийских русистов, чеховедов, хорошо владеющих русским языком, занимающихся переводами Чехова с русского на национальные языки Индии, следящими за литературой о Чехове, выходящей в Индии и в других странах. Примером таких работ является книга на урду «Чехов. Исследование жизни и творчества» (Дели, 1976) известного индийского русиста доктора Зое Ансари, долгие годы проработавшего в Москве, заведовавшего кафедрой иностранных языков в Бомбейском университете. Автор опирается на опыт исследований наследия Чехова, ведущихся не только в СССР, но и во многих других странах, на свои собственные исследования творчества Чехова, на большую практику переводов Чехова на многие иностранные языки.

Если на первых порах освоения чеховского наследия в Индии Чехов оказывал влияние главным образом на становление в индийской литературе жанра рассказа, то затем

---

16 См.: *Симонов В.* «Чайка» под звездами.— Советская культура. 25.04.1967, с. 4.

17 *Балвант Гарги.* Театр и танец Индии.— Искусство. М., 1963, с. 148—149

и на становление индийской драматургии. В этом отношении сошлюсь на полезное исследование, проведенное в свое время Н. М. Вишневской, которая отмечает: «Индийская действительность, талант и гражданственность в сочетании с влиянием таких драматургов, как Чехов, Метерлинк, О'Нейл, создали Ашка драматурга»¹⁸. Однако нельзя не признать, что вопрос о влиянии Чехова на индийскую литературу, несмотря на то что индийские и советские авторы в той или иной степени к нему обращались, до сего времени остается малоизученным.

Многие индийские литераторы говорят о таком влиянии. Старейший бенгальский литератор Гопал Халдар отмечал: «Русская действительность и русский характер раскрывались после Толстого и Тургенева в новеллах Чехова, которые оставили свой отпечаток на бенгальской литературе»¹⁹. Литературовед Рамгопал Синх Чаухан отмечает, что повышению уровня драматургии хинди способствовало творчество зарубежных драматургов, в том числе пьесы Чехова²⁰. О плодотворном усвоении духа зарубежной литературы, в том числе творчества Чехова, индийскими писателями говорит Мохиндар Пал Кохли²¹. К. Б. Баруа отмечает, что жанр рассказа в ассамской литературе развивался под влиянием новелл Чехова и Мопассана. О плодотворном воздействии на малаяльских писателей творчества классиков мировой литературы Мопассана, Флобера, Ибсена и Чехова пишет К. М. Джордж²². О том, что Чехов оказал влияние на известного прозаика урду Саадата Хасана Манто, пишут Н. В. Глебов и А. С. Сухочев²³ и т. д.

Изучению такого влияния способствуют и различного рода высказывания и свидетельства самих индийских писателей. Например, одним из первых имен зарубежных писателей, у кого он учился мастерству драматурга, известный писатель хинди Упендранатх Ашк называет имя Чехова²⁴.

Говорят также о влиянии творчества Чехова на таких известных индийских литераторов, как писатель хинди Агъей, малаяльский прозаик Шившанкар Такеджи Пиллай, пенджабские писатели Балвант Гарги и Кульвент Сингх Вирк и т. д.

В чем же секрет все возрастающей популярности чеховского творческого наследия? Над этим вопросом задумываются многие литераторы разных стран и пытаются ответить на него в своих работах о Чехове, а их уже существует великое множество. Задумываются над этим вопросом и индийские литераторы. «Чехов актуален сегодня потому, что

18 Вишневская Н. М. Индийская одноактная драма. М., 1964, с. 86.

19 Халдар Г. Связи между русской и бенгальской литературами.— Проблемы востоковедения. М., 1959, с. 137.

20 Рамгопал Синх Чаухан. Современная литература хинди. 1947—1962. Агра, 1965 (на яз. хинди).

21 Kohli Mohindar Pal. The Influence of the West on Punjabi Literature. Ludhiana. 1969, с. 90, 119, 178.

22 Джордж К. М. Литература малаялам. М., 1972, с. 156.

23 Глебов Н. В., Сухочев А. С. Литература урду. М., 1967.

24 Ашк У. Как я пишу пьесы.— Цит. по: Вишневская Н. М. Индийская одноактная драматургия, с. 90.

в современном мире распространены те же пороки, то же зло, против которых он так страстно боролся всей силой своего пера»,— справедливо отмечал видный индийский ученый Бхагаватичаран Упадхьяйя в одной из своих статей, опубликованной в связи с празднованием в Индии 100-летия со дня рождения великого русского писателя. «Вам может показаться странным,— отмечал в разговоре с О. Л. Книппер-Чеховой, имевшем место в Москве в 1958 г., индийский литератор и общественный деятель Кансинх Санкхла,— что мы, индийцы, считаем Чехова своим индийским писателем, что мы очень любим его произведения, много говорим и спорим о них. Интересно, что в первом же номере журнала «Рупабх», издающемся в моем родном городе Джодхпур в штате Раджастан, были опубликованы чеховские рассказы «Смерть чиновника» и «Хамелеон». Вы можете спросить, почему именно эти рассказы привлекли наше внимание. Дело в том, что в Индии, как и в России конца XIX в., глубоко пустила корни бездушная чиновничья-бюрократическая система, и никто не знает, когда она прекратит свое существование. Именно поэтому подобного рода рассказы Чехова чрезвычайно созвучны индийской действительности».

К числу интересных попыток осмыслить значение уроков Чехова для индийских литераторов относится книга Раджендры Ядава «Интервью с Антоном Павловичем», опубликованная в калькуттском издательстве «Рампурия пракашан» в 1954 г., в то время, когда в Индии отмечалось 50-летие со дня смерти русского писателя. Это произведение было включено в сборник избранных работ Р. Ядава «Устами других» («Аурон ке бахане»), увидевший свет в Индии в 1981 г. В этой работе, которая и сегодня не потеряла своего значения, известный литератор хинди описывает свою воображаемую встречу с Чеховым в его московской квартире, состоявшуюся в июне 1904 г. В «беседе» с Чеховым автор «Интервью» задает ему вопросы, волновавшие в то время индийских литераторов, ищущих пути развития литературы в независимой Индии. В качестве ответов на эти вопросы Р. Ядав с большим искусством и знанием творчества, жизни и деятельности Чехова использует различного рода материалы из его произведений, писем, статей, воспоминаний о нем его современников и т. д. Каждый свой вопрос Р. Ядав сопровождает соответствующими комментариями, объяснениями, почему индийским литераторам важно получить на него ответ у русского писателя, имя которого, по его словам, пользуется самой широкой известностью и огромным уважением в Индии.

Таким образом, Чехов становится как бы участником дискуссий и споров, ведущихся тогда в Индии по самым животрепещущим вопросам индийской литературы. Большое внимание в «Интервью» уделяется сложному положению демократически настроенного писателя в буржуазном обществе, его зависимости от издателя. И здесь Р. Ядава опирается на высказывания Чехова по этой очень важной для индийских литераторов проблеме. Много места в «Интервью» отводится поездке Чехова на Сахалин, приводятся его слова о жестокости власть имущих, о страданиях людей, об издевательствах над человеком. В записках Чехова о его поездке на Сахалин Р. Ядав стремится найти поддержку своим собственным мыслям о долге прогрессивного писателя бороться против социальной несправедливости. Следует иметь в виду, что в то время индийские прогрессивные писатели выступали против утопических идеалов, получивших широкое распространение в индийской литературе. Видимо, поэтому Р. Ядав приводит слова Чехова о том, что

если бы не поездка на Сахалин, он бы не смог никогда освободиться от влияния на него толстовства. В то же время наряду с критикой толстовства в «Интервью» мы находим слова Чехова, свидетельствующие о его искренней любви и уважении к великому русскому писателю.

В «Интервью» уделяется немало внимания проблемам художественного мастерства; они и сегодня еще находятся па повестке дня индийской литературы, нуждающейся в художественном опыте Чехова. Эта часть интервью заканчивается известными словами Чехова о Толстом, что, пока он жив, в литературе будут сохраняться возвышенные идеалы.

В «Интервью» мы найдем полемику Чехова с Горьким. Р. Ядав подчеркивает мысль Чехова о том, что писатель в своих произведениях должен изображать жизненную правду, не приукрашивать действительность, не романтизировать ее, не выдумывать характеры героев, а брать их из жизни. Р. Ядав приводит слова Чехова из его беседы с Тихоновым: «Где можно взять другие ситуации и других героев, если их пет в окружающей нас скучной и однообразной жизни».

Думается, что чеховская полемика с Горьким понадобилась Р. Ядаву прежде всего для аргументации позиции тех индийских писателей, которые выступали поотив идеализации и романтизации действительности, создавали образы идеальных героев, способных, по их мнению, изменить мир (так называемые адаршвади ятхартхавади). Poleмику Чехова с Горьким, как и с Толстым, Р. Ядав завершает известными чеховскими словами, в которых выражено большое уважение к великому пролетарскому писателю, преклонение перед его талантом. Р. Ядав акцентирует внимание на смелом гражданском акте Чехова, отказавшегося от звания академика в знак протеста против лишения Горького этого звания.

Актуальным вопросом литературной жизни Индии вот уже много лет является стремление писателей найти пути и формы объединения, создать такую организацию, которая бы способствовала подлинному расцвету индийской литературы. Именно поэтому внимание Р. Ядава привлекают мысли Чехова об укреплении творческих связей, взаимопонимания между писателями, которые, по его словам, должны уважительно относиться друг к другу, не завидовать, а радоваться успехам своих коллег, избегать лицемерия и двуличия, помогать начинающим писателям и т. д. Р. Ядав подчеркивает, что мечта о писательской коммуне, о братстве служителей пера, об ашраме возникла у Чехова под влиянием Л. Толстого, озабоченного разбродом, царившим среди писателей своей страны. «Однако,— пишет Р. Ядав,— после того как я понял, что нельзя избавиться от грехов, пороков и несчастий с помощью ахимсы и сатьяграхи (ненасилия), я отказался от идеи литературного ашрама».

Известно, что в начале 50-х годов наблюдаются кризисные явления в индийской литературе, в определенной степени вызванные искусственным противопоставлением одних писателей другим.

Значительной помехой в сплочении индийских писателей на широкой демократической основе с первых шагов независимого развития Индии явились сектантские настроения в индийском коммунистическом движении. Разделяющие эти настроения догматически настроенные критики пытались искусственно разделить индийских литераторов на прогрессивных и реакционных, зачисляя в разряд последних всех тех, кто не воспринимал социалистические идеи. Относясь к тем индийским писателям, кто решительно выступал против подобного рода болезненных явлений в литературной жизни Индии, в подкрепление своих позиций Р. Ядав обращается к авторитету Чехова, пытается сделать его своим союзником. В своем «Интервью» он стремится показать Чехова в развитии, от Суворина к Горькому, от «Нового времени» к «Русской мысли» и «Жизни», в какой-то степени преувеличивая прогрессивные элементы в его творчестве и мировоззрении.

Особенно подчеркивает Р. Ядав возражение Чехова по поводу попыток втиснуть его творчество в какие бы то ни было схемы, зачислить его либо в консерваторы, либо в либералы. В ответ на вопрос о том, как Чехов относится к оценкам своего творчества, в «Интервью» приводятся слова из его письма Плещееву (1889) о том, что он не принадлежит ни к какому направлению и решительно выступает против навешивания всякого рода ярлыков и этикеток, считая это опасной и ненужной практикой. Р. Ядав акцентирует свое внимание на следующих словах Чехова, которые, как нам кажется, считает применимыми к собственному творчеству: «Моя святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались»²⁵. Р. Ядав приводит полные горечи и сарказма слова Чехова о критике, которая не принесла ему никакой пользы и из которой он не смог почерпнуть для себя ни одного полезного совета.

В заключение своей «беседы» с Чеховым Р. Ядав обращается к нему с просьбой дать совет молодым индийским писателям, как проникнуть в тайны литературного мастерства. «Индийские писатели очень много пишут и зачастую некритически относятся к своему труду», — говорит Р. Ядав. И сам отвечает словами Чехова из письма Суворину (1889), что он (Чехов) пишет очень мало и много работает над совершенством формы, и дает совет, опираясь на обращение Чехова к начинающим писателям, не отчаиваться, если издатели отвергают их рукописи, а настойчиво продолжать заниматься своим делом.

Большинство индийских авторов, пишущих о Чехове, решительно возражают против попыток представить его пессимистом. Горестные раздумья Чехова о современной жизни сливаются с юмором, комедийные элементы у него сосуществуют с трагедийными. Этот сплав смеха и серьезности, сатиры и лирики, позволяющий передавать всю сложную гамму человеческих чувств, делает Чехова неповторимым в мировой литературе художником-новатором. Думается, что эта особенность эстетики Чехова помогла в свое время индийским литераторам, ищущим новые пути и средства художественного осмысления действительности, преодолеть нормативную традиционную эстетику, основанную на устойчивых переживаниях так называемых раса.

---

25 Из письма А. П. Чехова А. Н. Плещееву от 4 октября 1888 г. 166

Чехов был и остается замечательным художником, создавшим, по словам Л. Толстого, «...новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде». Индийские литераторы обращают внимание на такие важные атрибуты чеховского мастерства, как простота и естественность, сдержанность и лаконизм, сжатость и конденсированность повествования, т. е. на те качества его творчества, которых зачастую недоставало индийской литературе, особенно на первых порах ее развития.

Индийской культурной традиции всегда было свойственно стремление глубже проникнуть во внутренний мир человека, именно поэтому индийским литераторам импонирует чеховский глубокий психологизм. Они учатся у Чехова искусству изображения человеческих характеров, раскрытию движения души героя, скрытой динамики его борьбы с обстоятельствами.

Индийские литераторы зачастую обращают внимание на близость творчества Чехова индийским культурным традициям. Обращаясь к тем или иным чеховским произведениям, они связывают их со своими собственными нравственными или социальными проблемами, с моральными принципами индийского общества. Так, например, Манматханатх Гупта отмечает, что «в рассказе «Душечка» образ русской женщины соответствует идеалам ортодоксальной индусской семьи, в которой жена считает мужа высшим существом и подчиняется ему во всем». Не менее типичным для индийского общества, по его мнению, является образ героини рассказа Чехова «Попрыгунья», «женщины из аристократической среды, полностью порывающей с традиционными устоями». Сопоставление этих двух типов чеховских героинь позволяет М. Гупте поднять важную социальную проблему положения женщины в индийском обществе. Рассматривая рассказ «Дама с собачкой», М. Гупта ставит вопрос о браках, заключенных по расчету или договоренности родителей, часто обрекающих людей на горе и страдания. М. Гупта отмечает актуальность для индийцев чеховского рассказа «Хамелеон». По его словам, в Индии не перевелись еще очумеловы, являющиеся большим социальным злом.

Индийские писатели иногда говорят об общем впечатлении, которое производит на них творчество Чехова, выражая это впечатление в различного рода образах природы, эмоционально насыщенных картинах, подчеркивающих, как правило, проникновенный лиризм, грустную тональность, тревожные чувства, душевную боль либо оптимистические ноты, прорывающиеся сквозь печальные мелодии, свойственные творчеству Чехова. Так, по словам Р. Ядава, произведения Чехова вызывают в его воображении картину залитого лунным светом большого заброшенного дома, расположенного в старинном парке, одинокого человека, в усталой позе сидящего в кресле на веранде. Доносятся тихие звуки музыки. Кто-то в доме играет на скрипке. Слышится затихающий шум отходящего от полустанка поезда, в ночи растворяются его огни. Или другую картину: за окнами холодная осенняя ночь, высокие деревья отбрасывают длинные тени на аллею, спускающуюся к берегу моря. Атмосфера рассказов Чехова «Поцелуй» и «Черный монах», общее настроение грусти

и печали, возникающее после прочтения этих рассказов, по мнению Р. Ядава, близки и понятны индийцам, соответствуют их эстетическим вкусам и представлениям.

По словам Б. Д. Чатурведи, произведениям Чехова, несмотря на общий пессимистический настрой, свойственно предчувствие больших перемен, лучшего будущего. Для подтверждения этой мысли индийский литератор приводит известный пример: «Если вы живете в каком-либо приморском городе, то, даже не видя моря, вы всегда ощущаете его близость, его дыхание. Таким же образом, читая рассказы Чехова, за печалью и грустью вы неизменно ощущаете бессмертный трепет дыхания жизни. В глубокой поэтичности произведений Чехова, в их устремленности в будущее, в их музыке мы улавливаем голос красоты и молодости, победы пробуждающихся сил... Нам, индийцам, следует быть благодарными великому русскому писателю, который, несмотря на суровую действительность царской России, свято соблюдал обет создавать произведения, которые в глубоком мраке отчаяния пробуждали бы надежду в душах людей».

Родным и близким в Индии стал А. П. Чехов. Индийские авторы, пишущие о нем, часто называют его своим, индийским писателем. И в этом нет ничего удивительного, потому что творчество великого русского писателя, пронизанное страстной мечтой о лучшей жизни, об истинной свободе и счастье человека, стало неотъемлемой частью индийской культуры.

Список литературы

1. Ядав Раджендра. Три пьесы Чехова. Перевод на язык хинди пьес Чайка», «Вишневым сад», «Три сестры». Бенарес, 1958, с. 9 (на яз. хинди).
2. Премчанд. Искусство рассказа // Цель литературы. Аллахабад. 1954, с. 37 (на яз. хинди).
3. Джайн Ришибхачаран. Памяти Премчанда. Аллахабад, 1962, с. 42 (на яз. хинди).
4. Фаиз Ахмад Фаиз. Многообразие и жизненная сила // Иностранная литература. 1964, № 4, с. 239.
5. Баранников А.П. Индийская филология. Литературоведение. М., 1959, с. 132.
6. Чатурведи Б.Д. Мелихово — священная обитель Чехова.— Саптахи́к Хиндустан. Дели, 13.09.1959, с. 9—10 (на яз. хинди).
7. Кришан Чандар. Чехов-новеллист // Вишаль-Бхарат. Калькутта, 1960, март, с. 161 (на яз. хинди).
8. Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1978, с. 152-155.
9. Амритрай. Новое в «новом» // Иностранная литература. 1965, № 10, с. 210.
10. Баранников А.П. «Саптасародж» Премчанда. Индийская филология. Литературоведение.— ИВЛ., М., 1959, с. 9—Ю.
11. Бхотточарджо Упендронатх. Рассказы и романы Тагора. Калькутта. 1965. с. 3 (на яз. бенгали).

12. Kripalani Krishna. Rabindranath Tagore. A Biography. L., 1962. с. 153.
13. Mukherji D.P. Tagore. A study. Bombay, 1943.
14. Тагор Р. Письма 1945 г. // Собр. соч. Т. 5, с. 309 (на бенг. яз.).
15. Гарги Балвант. Индийский писатель // Лит. газета. 27.01.1955.
16. См.: Симонов В. «Чайка» под звездами // Сов. культура. 25.04.1967. с. 4.
17. Балвант Гарги. Театр и танец Индии // Искусство. М.. 1963, с. 148—149.
18. Вишневская Н.М. Индийская одноактная драма. М., 1964. с. 86.
19. Халдар Г. Связи между русской и бенгальской литературами — Проблемы востоковедения. М., 1959. с. 137.
20. Чаухан Рамгопал Синх. Современная литература хинди. 1947—1962. Агра. 1965 (на яз. хинди).
21. Kohli Mohindar Pal. The Influence of the West on Punjabi Literature. Ludhiana. 1969, с. 90, 119, 178.
22. Джордж К М. Литература малаялам. М.. 1972, с. 156.
23. Глебов Н.В.. Сухочсв АС. Литература урду. М . 1967.
24. Ашк У. Как я пишу пьесы // Цит. но: Вишневская Н.М. Индийская одноактная драматургия, с. 90.
25. Из письма А. П. Чехова А. Н. Плещееву от 4 октября 1888 г.
26. Чатурведи Б.Д. Мелихово — священная обитель Чехова, с. 10.